

Натаалья МАШЕРОВА: «Это было счастьем — находиться рядом с отцом»

Екатерина ДУБИНСКАЯ, «Знамя юности»

Я до сих пор помню то мое личное ощущение великой потери и горя. Может быть, сегодня для кого-то это покажется и странным — горе тогдашней школьницы по «официальному» человеку. Но теперь точно знаю — иначе быть не могло. Скорбь объединила людей всех возрастов. Помню, вест о его гибели уже дошла до людей, хотя официального сообщения еще не было — а они все не верили, не хотели верить случившемуся: вдруг слухи?.. Помню, как до позднего вечера, в ненастье, вестя тысячи и тысячи людей — не по «приказу», а по зову сердца — в траурной процессии, чтобы сказать последнее «прости» и положить цветок человеку, кого в народе считали, да и считают национальным героем Беларуси... Я не знаю, бывали ли вы на Московском кладбище, на его могиле — там почти всегда живые цветы: люди, навеяв родных, считают своим долгом поклониться и ему — Петру Мироновичу Машерову.

Сегодня, 13 февраля, ему исполнилось бы 75 лет. Этот юбилей можно отметить по-разному, как Игорь Лученок, стать инициатором вечера памяти в минском Доме офицеров, можно просто собраться в узком кругу и повспоминать — речь о тех людях, кто имел счастье встречаться и работать рядом с Петром Мироновичем... «Знаменка» же решила поговорить о Петре Мироновиче Машерове с его дочерью.

— Наталья Петровна, в последнее время приходится читать довольно много воспоминаний о Петре Мироновиче. На ваш взгляд, насколько они объективны и честны?

— Наверное, это веяние сегодняшнего времени — пытаться усомниться во всем, что было свято. Хотя, конечно, чисто человечески мне очень трудно понять, почему и близко знавшие отца люди вдруг говорят неправду, почему довольно известный журналист считает себя вправе мимоходом, всуе «уточнить»: Машеров погиб из-за своей, простите, болтливости — заговорил шофера... Отец бы, поверьте, обиделся и за придуманный «писателем» рассказ о том, как он строил теплицу на даче у старшего брата... Тот, кто писал это, не имеет ни малейшего представления о том, в каком темпе и ритме работал отец. Сгустком энергии — вот чем была его жизнь. Он не хотел переезжать на новую квартиру, на новую дачу, но ему нужны были свой вагон, свой самолет, свой вертолет — ему нужна была возможность очень быстрого передвижения. Он даже построил рядом с дачей, которая после его смерти заросла травой, вертолетную площадку. Да, он потратил на это государственные деньги, потому что лишние 40 минут на дачу и обратно — это было для него непристойной тратой времени. Хотя потолки на нашей даче текли годами и на это отец тратил деньги не разрешал... Впрочем, если перечислять все те «мелочи» типа построенной папой теплицы — никакого места не хватит. Сегодня о Машерове вспоминают чекисты, повара, шоферы, а я все, признаюсь, жду, когда о нем напишут воспоминания те, кто работал с ним, сталкивался в деле, и для кого важна чистая совесть...

— Как это сделал в своей книге Элем Климов. Помнится, в Москве за «натурализм» закрыли фильм Ларисы Шепитько «Восхождение» и только благодаря Машерову фильм получил «зеленую улицу»... Да, тогда Лариса сказала в Москве: «Есть только один человек, который скажет мне правду или нет я сняла», — и приехала к отцу... Помню, он много говорил об этом, а нам же, девочкам, все было интересно — тем более о Шепитько, которую мы хорошо знали по экрану. И вот я спрашиваю: «Папа, а в жизни она такая же красивая?» Отец очень удивился, подумал и сказал: «Она — удивительнейший человек»... Климов очень подробно описывает историю с «Восхождением» в своей книге, посвящен-

ное «потеплее»? Рассказать, что он дома ел? Так мы вообще дома редко его за столом видели. И в нашем быту он был как бы незаметен. Поверьте: вся жизнь нашей семьи подчинялась работе отца, это было святым. Очень часто, когда он приходил домой поздно, просил нас: «Можно мне не разговаривать?» Он знал, что у нас масса проблем, что мы влюбляемся, выходим замуж, рождаем, — и старался, как мог, участвовать в нашей жизни, помогать, советовать, но в любое время работа была для него главным в жизни.

Отец был, в общем-то, не очень здоровым человеком, но уложить в постель его могла только операция. Мама говорила: «Все же люди имеют право на бюллетень, если болеешь». Отец отвечал: «Мне так много платят — я не отработываю»... Поверьте, я не придумываю, и для него это не было позой. А «так много» — предвижу ваш вопрос — это было около 700 рублей вместе с депутатскими... Что еще «домашнее» об отце? Очень любил порядок, любил быть аккуратным, красиво одетым, любил, когда под рукой было все для работы. Очень много читал. Он вообще у нас был библиофилом. Например, всю жизнь собирал 99-томное собрание сочинений Льва Толстого — а начал с первого тома сразу после войны... Любил читать фантастику, увлекался философами — очень ценил Цицерона, часто перечитывал историю Древнего Рима... Правда, ему больше доводилось работать с нужными для работы документами, бумагами, статьями — обычно все это прочитывалось ночью. А «отсыпался» папа по субботам — все в семье это знали и оберегали отдых отца в этот единственный день недели...

В чьи-то воспоминаниях прочла, что отец очень много говорил. А как-то недавно рассказывали об одном банкете, на котором он полтора часа произносил тост и тем самым не давал возможности остальным «начать»... Да, наверное, папа был очень непрактичным, а надо было быть актером. Я вот вспоми-

наю, как обычно проходил его день рождения — все родственники собирались вот в этой самой комнате, где мы с вами сидим, вот за этим самым столом — и ждали его. Часов в 10 вечера он — как всегда уставший — пришел и говорил, говорил — все о делах, о тех проблемах, которыми сегодня занимается... Даже в свой день рождения он мог говорить только о работе.

— Наталья Петровна, а вам никогда не хотелось работать рядом с отцом? Знаю вашу сегодняшнюю общественную деятельность, не могу не спросить об этом.

— Находиться рядом с отцом — это было счастьем для меня всегда, в любой момент. Это было непростое, ко многому обязывало. Мне действительно ужасно хотелось работать с ним, но: «Нет, что ты, нельзя». А я понимала многое из того, чем занимался и что хотел сделать отец, я видела, как он, в общем-то одинок... — Наталья Петровна, сразу прошу прощения за следующий вопрос. Вызван он, скорее, людской молвой, нежели моим праздным интересом. Вопрос о привилегиях.

— Вот и в это сегодня трудно поверить: неужели кто-то «тогда» мог быть к ним безразличен? Машерову они мешали, они нужны были ему лишь в той степени, в какой создавали нормальную рабочую обстановку. Свои, а не государственные, холодильник и телевизор появились у мамы лишь после гибели папы, да и мы с мужем купили машину по настоянию мамы только после того, как папы не стало.

...Сразу после войны отец, будучи секретарем ЦК комсомола, поехал в Витебск и остановился у своей старшей сестры, —

три дня Брежнев молчал. Потом подошел и сказал: «Ты — настоящий коммунист. Ты неправ, но ты правильно поступил». И все вокруг бросились пожимать папе руку, говорить: «Ах, Петр Миронович, какой вы молодец!» и т.д. Вот такой вот театр. Только почему-то никто об этом не хочет писать... К слову, все последние годы жизни отца многие ждали, что его введут из кандидатов в члены Политбюро, а на самом деле все было по-другому. Вспоминаю, как, возвратившись из Москвы, отец сказал нам: «Дела Белоруссии не дали вывести меня из Политбюро. Как же хорошо работают наши люди — это они меня оставили».

— В свое время в народе много говорили о том, как Машеров защищал Беларусь от дополнительных поставок продуктов Москве...

— Это был последний год жизни, ответный отцу. Так уж получилось, что Брежнев позвонил нам на дачу, «попал» на меня и попросил позвать отца к телефону. Невероятно спокойно, настойчиво отец доказывал, что у нас идут проливные дожди, что мы не только не можем продать картошку, молочные продукты, хлеб, но и себяз не обеспечиваем. И, кажется, за всю историю республики он убедил-таки тогда Брежнева снять поставки масла, хлеба, картошки... Вам трудно представить, как страдал в те летосенные отец. Он был не просто в стрессовом состоянии, он был как бы в предчувствии катастрофы. Если бы он мог — я вам говорю точно — ценой своей жизни вымолил бы у Бога хорошую погоду... В те страшные дни, когда папа разбился, помню, поднимаясь по лестнице в Совмин, вдруг услышала, как московский «представитель власти», прибывший на похороны, спрашивает у кого-то: «Так что, теперь поставки пойдут?»..

А вообще я бы хотела как-то «закруглить» воспоминания — потому что вспоминать можно часами. Вот теперь много говорят о каких-то ошибках отца, указывают на просчеты в его

политике. Возможно, эти ошибки и просчеты — на каком-то определенном этапе. Но отец мыслил намного-на много вперед, он не долгие опережал свое время. И дело, конечно, не в том, что какой-то еще член Политбюро катался на водных лыжах (хотя это, наверное, «показатель»). Мы оцениваем его жизнь сегодня, а он работал на будущее. Как дочери мне бы, конечно, хотелось видеть итоги работы отца в оценке науки и специалистов. Я искренне верю, что время, когда имя Машерова учит истинное признание, когда оно поможет белорусскому народу — обязательно наступит.

— И в завершение нашей беседы — еще один вопрос, касающийся и вас лично, и Петра Мироновича. Сегодня вы возглавляете благотворительный черныбыльский союз «Знч», носящий имя вашего отца. Что побудило вас заняться благотворительной деятельностью — долг перед памятью отца, который и от своих детей требовал реальных дел, желание помочь пострадавшим?

— Все вместе, конечно. Правда, когда мы только начинали, то очень надеялись, что его имя поможет республике, «откроет» многие двери. И люди откликнулись — от Прибалтики до Дальнего Востока, очень много помогла заграница. Чем бы «Знч» ни занимался — выходом белорусской медицины на международную арену, гуманитарными поставками, выездом детей на лечение — мы в Беларуси получали гораздо больше отказов, чем поддержки. И потому каждое «нет» мне было, как ножом по сердцу. Если бы не муж, опустила бы руки... Впрочем, деятельность благотворительных организаций — тема для совершенно иного материала. Я хочу только сказать, что сегодня «Знч» существует и помогает людям — вопреки складывающимся против него обстоятельствам (кстати, у нас всего два штатных работника). Более 70 процентов налогов, из них — 18 черныбыльский. Как выживем — не знаю. Но, пользуясь случаем, призываю все предприятия, организации помогать нам. Ос-

